

УДК-323(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-1-61-72

СТРУКТУРЫ НАРРАТИВОВ О ДЕПОРТАЦИИ КАРАЧАЕВСКОГО НАРОДА И КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ В ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ РЕСПУБЛИКИ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИЯ

И. А. Ушпаров

Ушпаров Игорь Андреевич, соискатель ученой степени кандидата политических наук,
Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия.
E-mail: igor.usparov@mail.ru (ORCID: 0000-0002-4908-5645).

Аннотация

Изучение политики памяти в российских регионах является актуальным направлением исследований в области *memory studies*. Анализируется опыт использования региональными акторами конкурирующих нарративов о депортации карачаевского народа и Кавказской войне. При помощи программы MAXQDA были подробно изучены этнические версии регионального прошлого в публичном дискурсе Карачаево-Черкесии. Проведенный анализ показал, что в обоих нарративах основное внимание уделяется описанию исторических событий через язык травмы. Память о депортации и Кавказской войне используется региональными властями с целью примирения и объединения конкурирующих межэтнических групп. Помимо этого, власть конструирует образ «Мы» не только через процесс виктимизации, но и героизации прошлого. Основное отличие между нарративами касается вопроса институционализации в коллективной памяти виновных за совершенные трагические события. В случае депортации акторы содержательно игнорируют поиск ответственных лиц, в то время как в нарративе о Кавказской войне власть ежегодно напоминает о роли некоторых «центральных» держав, интересы которых спровоцировали конфликт на Северном Кавказе. Более того, из-за существующих споров вокруг длительности самой Кавказской войны региональные акторы вынуждены избегать упоминания конкретных ее дат в публичных выступлениях. Использование агонистической модели взаимодействия с разной памятью о прошлом и встраивание конкурирующих групп в единое символическое пространство является одним из инструментов нивелирования конфликтного потенциала в регионе.

Ключевые слова: политика памяти; Карачаево-Черкесия; региональная власть; публичный дискурс; исторический нарратив; депортация карачаевского народа; Кавказская война.

Политическое использование прошлого является составной частью процесса конструирования групповой идентичности. В исследованиях коллективной памяти (*memory studies*) существует набор схожих понятий, описывающих различные способы взаимодействия с ней акторов. В отечественной науке среди них особое место занимает концепт политики памяти (Ачкасов, 2012; Миллер, 2014; Малинова, 2018). О. Ю. Малинова определяет ее как «совокупность публичных взаимодействий мнемонических акторов, которые заинтересованы в особом понимании прошлого» (Малинова, 2018: 34). Политические и общественные деятели конкурируют друг с другом за закрепление того или иного нарратива в качестве доминирующего. Таким образом, прошлое становится инструментом, с помощью которого власть легитимизирует принятые управленческие решения (Малинова, 2021: 14).

Изучение локальной истории является ключевым направлением в исследовании политики памяти (Jansen, 2001; Brüggemann & Kasekamp, 2008; Kostyashov & Sergeev, 2018; Рязанова, Юрганов, 2019). В российских регионах проживает множество конкурирующих друг с другом этнических групп, которые обладают противоречивым взглядом на прошлое. Подобные интерпретации исторических событий приводят к эскалации межэтнического конфликта. Особенно это прослеживается в республиках Северного Кавказа, где каждая группа отстаивает собственную версию прошлого в публичном пространстве (Иванеско, Урушадзе, 2018: 192).

Конфликт возникает не только внутри региона, но и с федеральным центром. В сентябре 2023 г. вышел единый учебник по истории России за 10–11 классы. В одной из глав были даны неоднозначные формулировки причин депортации северокавказских народов, в которых народы обвинялись в сотруд-

ничестве с немецко-фашистскими силами в период Великой Отечественной войны. В этнических республиках Северного Кавказа подобную трактовку восприняли негативно, так как она не соответствует существующему региональному нарративу и некоторым историческим фактам. Позже Р. Кадыров изъясил учебники и попросил переписать главу, которая вызвала серьезный общественный резонанс¹. Подобные случаи несоответствия общегосударственного и локального нарративов актуализируют споры вокруг прошлого. Анализ взаимодействия акторов на региональном уровне важен для исследования политики памяти, поскольку позволяет глубже изучить конфликтный потенциал, новые конфигурации мнемонических сил и локальные инструменты использования прошлого (Ефременко, 2022: 86–87).

Несмотря на то, что современные исследователи активно занимаются региональным измерением политики памяти в России, существует пробел в изучении структуризации разных нарративов в едином публичном пространстве (Михалев, 2020; Рвачева, 2020; Козлов, 2021; Прасолов, 2021; Малинова и др., 2022). Как правило, этнические группы, обладающие противоречивым взглядом на историческое прошлое, конкурируют друг с другом. В таких случаях региональная власть должна учитывать разный набор мнемонических сил и их стратегии по управлению локальным прошлым.

В данной статье автор рассматривает случай Карачаево-Черкесии. В республике проживают две конкурирующие этнические группы: карачаевцы (тюркская группа) и черкесы (адыгская группа). Они обладают разным историческим нарративом и представлением о региональном прошлом, что усложняет процесс выработки единого подхода к исторической политике. Депортация, осуществленная в 1943 г., стала ключевым событием для коллективной памяти карачаевцев. Во время пребывания в ссылке в Средней Азии они понесли серьезные потери в демографическом, экономическом и культурном отношении. Последующая реабилитация народа в 1957 г. не разрешила множество противоречий, связанных с территориально-административным делением, а также правовой оценкой трагических событий. До конца 1980-х гг. карачаевцы были лишены институциональной возможности оспаривать государственный нарратив, а также устанавливать собственные памятники и публиковать материалы на эту тему. Лишь ко второй половине 1980-х гг. советская власть признает ошибки, а репрессии предаются значительной критике, в том числе и в общественном пространстве (Рахаев, 2014: 368). На данный момент память о депортации занимает важное место в истории карачаевского народа. Ее конструирование происходит не только за счет проведения ежегодной коммеморации 2 ноября (День памяти о жертвах депортации) и 3 мая (День возрождения карачаевского народа), но и в публичном дискурсе, строительстве новых и обновлении старых памятников, поддержке гражданских инициативных групп, законодательном закреплении и школьном образовании. На Северном Кавказе, помимо карачаевцев, пострадали представители балкарской, ингушской и чеченской групп, которые также проводят ежегодные коммеморативные мероприятия.

В республике также проживают черкесы, для которых ключевым эпизодом их региональной истории стала Кавказская война. Особая этническая версия войны распространяется и за пределами одного субъекта. Помимо Карачаево-Черкесии она охватывает те республики, в которых адыгская группа представлена широко (Кабардино-Балкария и Адыгея). Память о Кавказской войне выступает в качестве солидарности всех адыгов и объединения их в общее культурное и политическое пространство. 21 мая закреплен в качестве Дня памяти жертв Кавказской войны. Таким образом, память об обоих трагических событиях носит трансрегиональный характер.

Местные элиты активно участвуют в политике памяти и используют различные ее инструменты для достижения поставленных задач. Акторы формируют, закрепляют и распространяют представления о прошлом в мемориальном и дискурсивном пространстве (Шнирельман, 2023: 126). Официальные публичные выступления акторов и организация коммеморативных мероприятий позволяют им утвердить доминирующее положение нарратива. Ситуация в Карачаево-Черкесии усложняется из-за наличия конкурирующих представлений о региональном прошлом. Власть старается включать разные исторические сюжеты в единое пространство. Однако не совсем понятно, каким образом региональные акторы структурируют эти представления о прошлом. В связи с этим основной исследовательской задачей является изучение и сравнение структур нарративов о депортации карачаевского народа и Кавказской войне в публичном дискурсе Карачаево-Черкесии. От структуры нарративов, транслируемых через дискурс, частоты их использования во время коммеморации событий, а также формата публичных выступлений зависит восприятие их местными жителями, которые также являются главными участниками политики памяти (Малинова, 2013: 115).

¹ Благодаря Рамзану Кадырову в учебниках истории России для 10–11-х классов заменены лживые факты о народах Кавказа [Электронный ресурс], *Вести Чеченской Республики* (2023). URL: <https://vesti095.ru/2023/09/blagodarya-ramzanu-kadyrovu-v-uchebnikah-istorii-rossii-dlya-10-11-klassov-zameneny-lzhivye-fakty-o-narodah-kavkaza/> (дата обращения 24.09.2023).

Методология исследования

Для анализа структур нарративов был выбран дискурс-анализ. На базе официального сайта Главы и Правительства Карачаево-Черкесской Республики были собраны необходимые материалы. В частности, были изучены тексты и стенограммы публичных выступлений и обращений к гражданам со стороны лидера республики Р. Темрезова и других представителей органов государственной власти в период годовщин исторических событий. Для изучения современного состояния конструирования нарративов о депортации карачаевцев и Кавказской войне был взят весь период правления Р. Темрезова (с 2011 г. по настоящее время). Материалы, размещенные на сайте, являются открытыми, общедоступными и опубликованы на русском языке. Более того, регулярность публикаций отслеживается в течение всего периода присутствия Р. Темрезова в должности, в отличие от его предшественников. Количество собранных и проанализированных материалов относительно памяти о депортации карачаевского народа составило 21. Выступления и публикации относительно памяти о Кавказской войне составили 22 материала. Далее собранные данные были проанализированы, закодированы и систематизированы через программу MAXQDA.

MAXQDA позволяет детально изучить и проанализировать текстуальные, аудио- и видеоматериалы. Одним из преимуществ ее использования является поиск необходимых для последующей кодификации слов (словосочетаний) для составления кодовых узлов. Во время сбора и анализа данных были обнаружены и присвоены коды (категории), в рамках которых формируются основные смысловые концепты. Они, в свою очередь, демонстрируют логику, последовательность и структуру исторического повествования (Kuckartz and Rädiker, 2019: 4). Выделенные категории связываются и пересекаются друг с другом, создавая определенную конфигурацию между различными сегментами текста (Kuckartz and Rädiker, 2019: 5). В программе доступны также функции систематизации, открытого редактирования и автокодирования материалов, что значительно улучшает процесс анализа текста и повышает его объективность. Последующая визуализация позволяет содержательно продемонстрировать основные результаты. Отражение отдельных конфигураций основных кодов (категорий) и субкодов транслирует содержательное и смысловое наполнение дискурса, а значит, позволяет проследить, каким образом формируется региональный нарратив о разных исторических событиях.

На предварительном этапе анализа было выяснено, что оба нарратива транслируются не только лидером, но и председателем Правительства КЧР, а также спикером регионального парламента. Более того, количество участников процесса конструирования нарративов одинаково во всех коммеморативных мероприятиях, проводимых в республике. Представители национальных общественных движений и религиозные деятели также принимают активное участие в процессе конструирования нарратива о депортации и Кавказской войне. Таким образом, симметричная расстановка основных мнемонических сил, участвующих в формировании и закреплении нарративов, подтверждает значимость событий не только для отдельных этнических групп, но и для региональной политики в целом.

Дискурс-анализ структуры нарративов о депортации карачаевского народа и Кавказской войне

Проведенный анализ показал, что нарративы о депортации карачаевского народа и жертвах Кавказской войны имеют относительно схожую структуру. Этнические версии прошлого конструируются в рамках таких категорий (кодов), как «Кто мы», «Описание исторического события», «Кто виноват» и «Роль памяти в настоящем». Нарративы о депортации и Кавказской войне выстраиваются вокруг сформированных смысловых блоков во время публичных выступлений представителей региональной власти. В. А. Шнирельман отмечает, что структура нарратива зависит не только от описания самого исторического факта. В нем важно отразить роль «жертв» и «палачей», победителей и проигравших, а также отдельно отметить государственные и региональные особенности памяти в рамках локального культурного кода (Шнирельман, 2021: 19).

На рис. 1 и 2 отображены значения частоты использования кодов в структуре нарративов о депортации и Кавказской войне соответственно. Описание самих себя в качестве пострадавшей группы занимает большую часть смыслового содержания нарратива о депортации (примерно 52 % от закодированного текста). Чуть меньше акторы уделяют внимание интерпретации исторического события (40 %). Роль памяти в настоящем, которую автор определяет как процесс извлечения уроков из прошлого, занимает лишь 27 % от закодированной части публичных выступлений. Наименьший вес занимает процесс определения ответственных лиц за вынесенное решение о массовой ссылке народов (не более 3 %).

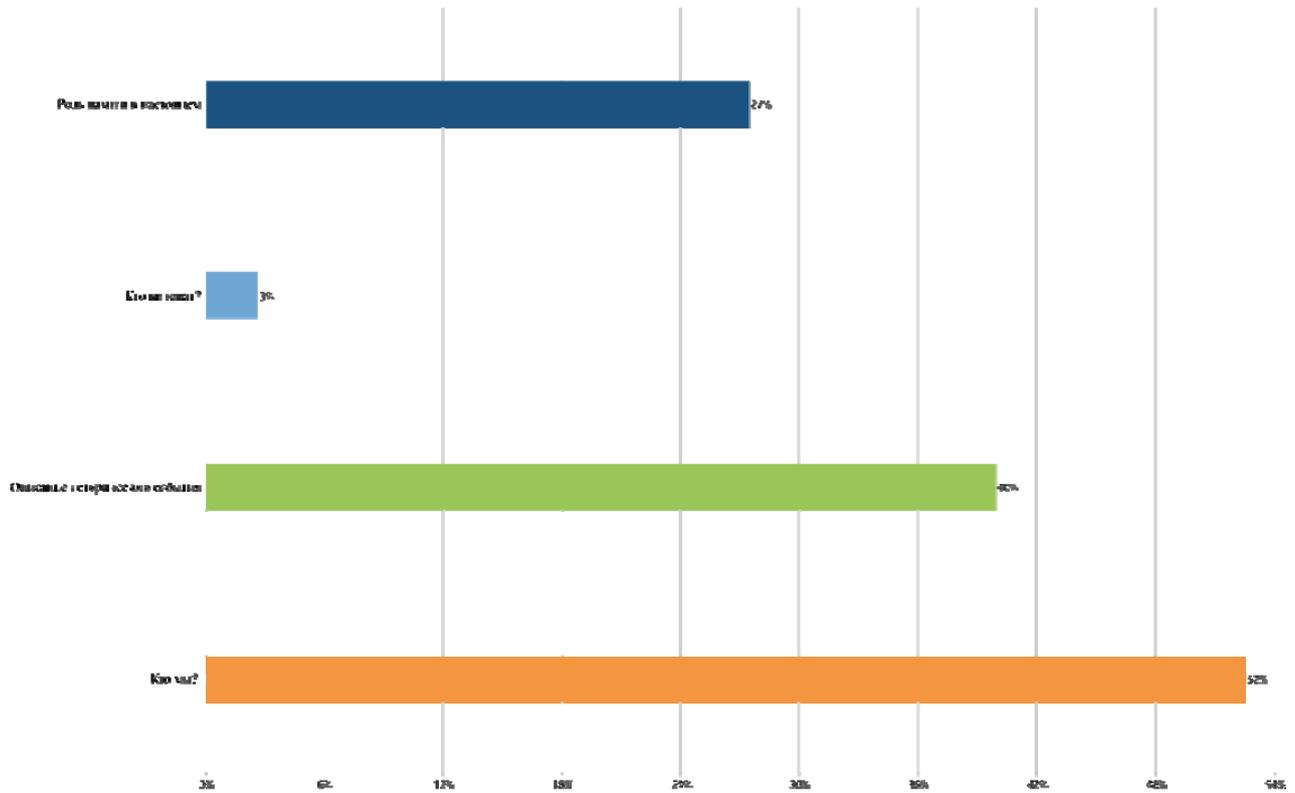

Рис. 1. Частота использования кодов в нарративе о депортации карачаевского народа

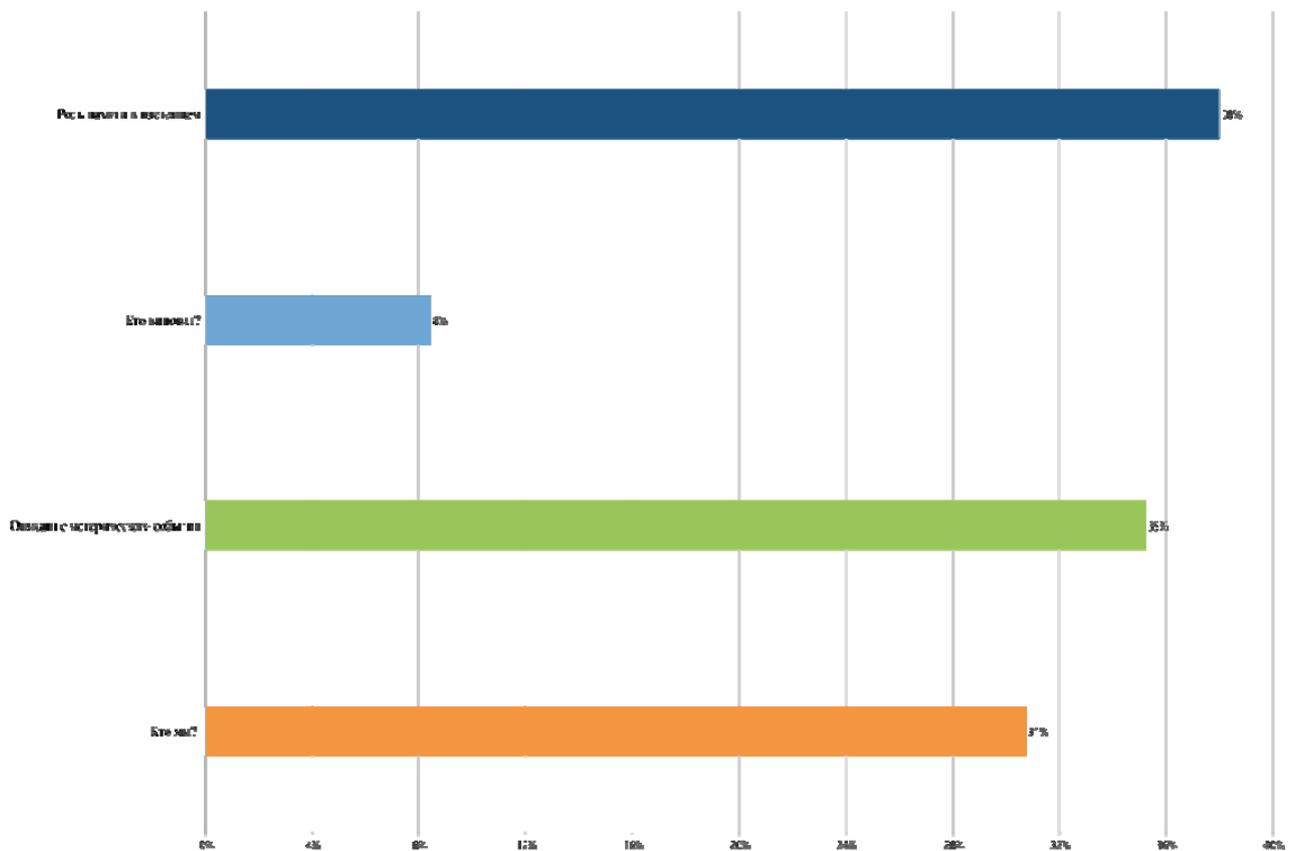

Рис. 2. Частота использования кодов в нарративе о Кавказской войне

В нарративе о Кавказской войне региональная власть сравнительно больше времени уделяет извлечению уроков из прошлого, это занимает примерно 38 % от закодированной части текста. Другие коды также широко представлены в нарративе. Интерпретация Кавказской войны занимает 35 % текста, в то время как конструирование образа «Мы» – 31 %. Определение «виновников» за совершенные действия в прошлом имеет больший вес, в отличие от нарратива о депортации, и составляет 8 % от всех доступных материалов.

На рис. 3 представлены результаты конфигурации основных кодов. Чем больше пересечений категорий, тем выше процент взаимозависимости кодов. Анализ показал, что описание исторического события неразрывно связано с процессом конструирования образа «Мы» в качестве пострадавшей группы, что составляет 19 % всех возможных вариаций. Определение виновников частично связано с интерпретацией исторических событий за счет нарратива о жертвах Кавказской войны (5 %). Лишь 2 % всех взаимодействий отводится связи между ролью памяти в настоящем и описанием трагических событий. Таким образом, упор региональной власти на виктимизацию дискурса означает желание связать память об исторических событиях с потерями и страданиями, которые перенесли народы во время депортации и Кавказской войны. Акторы используют этнические нарративы в качестве процесса усвоения основных уроков прошлого через дискурс травмы.

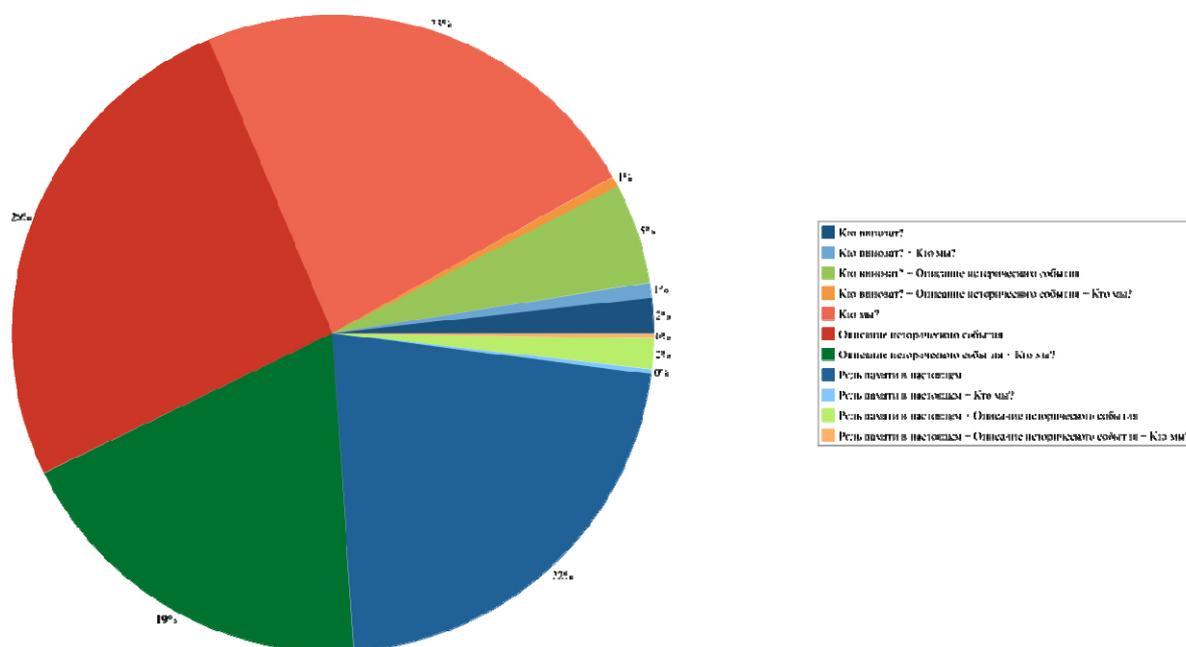

Рис. 3. Конфигурация связей кодов друг с другом внутри закодированного текста

Структура нарратива о депортации карачаевского народа. Смысловое содержание нарратива о депортации карачаевского народа в 1943 г. представлено на рис. 4. Внутри четырех основных категорий, выделенных ранее, отражено несколько важных субкодов. Они воспроизводят дискурсивные элементы официальной интерпретации исторического события. В течение всего изучаемого периода было обнаружено, что структура нарратива повторяется из года в год. Во время публичных выступлений и обращений к жителям республики представители региональной власти транслируют схожие концепты. Таким образом, со временем память о депортации приобретает шаблонный вид. Внутри текстовых обращений обнаружить явные различия в интерпретации исторического события трудно. Выбранная стратегия позволяет актерам закрепить в общественном сознании определенные схематичные представления о локальном прошлом.

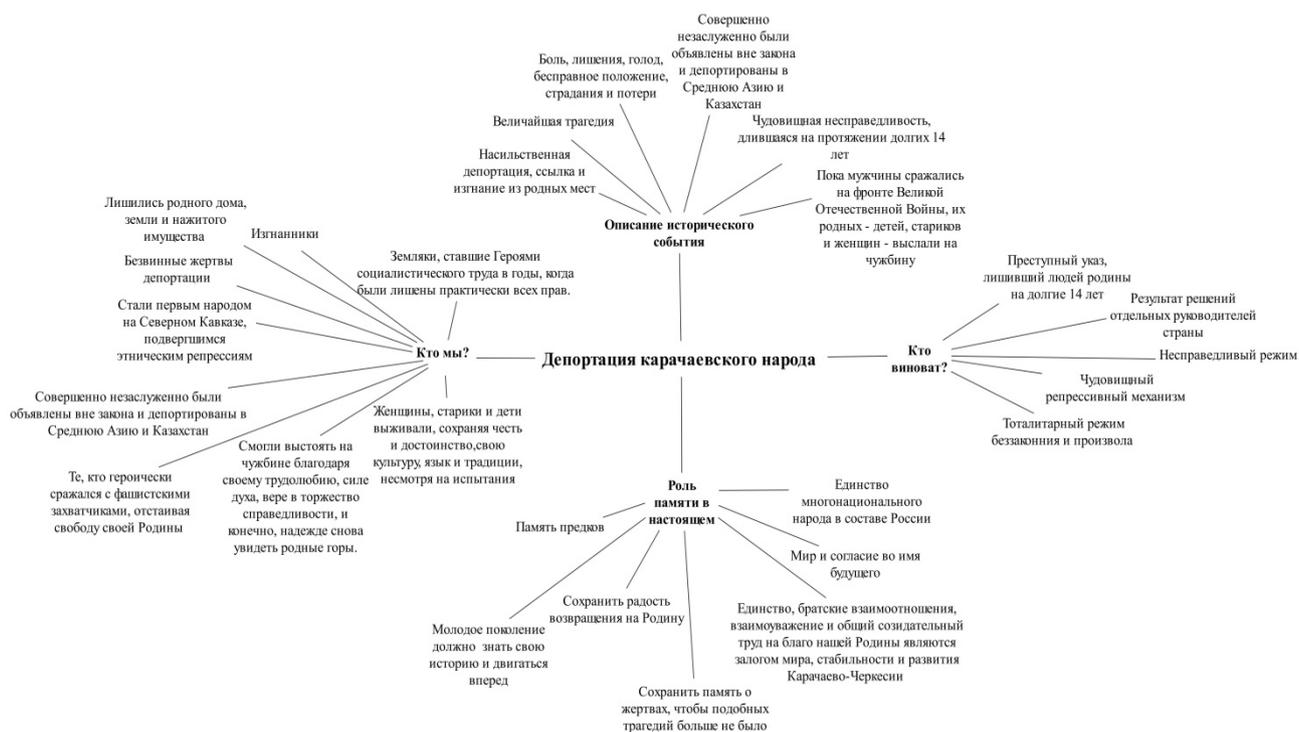

Рис. 4. Конфигурация кодов (субкодов) в региональном нарративе о депортации карачаевского народа

В рамках описания исторического события Р. Темрезов и другие представители органов государственной власти подчеркивают «насильственный» характер массовой ссылки. Для карачаевцев депортация представляет собой «величайшую трагедию», которая породила «боль, лишения, голод и страдания». По словам лидера республики, депортация является «чудовищной несправедливостью», которая длилась на протяжении 14 лет. Акторы подчеркивают это через упоминание вынужденной разлуки семей в условиях Великой Отечественной войны. В то время как «родных – детей, стариков и женщин – выслали на чужбину», мужская часть населения воевала на фронте. Соответственно, нарратив о депортации приобретает трагические черты. В начале 2010-х гг. при описании исторического события Р. Темрезов использовал такие эмоционально окрашенные слова, как «геноцид», «угроза физического уничтожения» и «черный ноябрь». После 2014 г. эта практика прекратилась.

В нарративе о депортации конструирование образа «Мы» содержит два ключевых аспекта. С одной стороны, карачаевский народ представляется «первым народом на Северном Кавказе, пострадавшим от этнических репрессий». К этому добавляются сюжеты, описывающие процесс «изгнания» и упоминания о массовом характере количества «безвинных жертв». С другой стороны, в публичных выступлениях наблюдаются тенденции к героизации народа. В частности, нередко встречаются упоминания тех, кто: «героически сражался на фронтах войны», «смог преодолеть трудности», «выстоял на чужбине» и «сохранил честь, культуру, язык и традиции народа, несмотря на испытания». Региональные акторы представляют карачаевцев не только в качестве жертв, которым был нанесен колоссальный физический и культурный ущерб. Их также позиционируют как героев, которые смогли выдержать тяжелые условия существования во время ссылки и доказать свою невиновность в глазах советских граждан.

Институционализация «виновных» не занимает доминирующее положение в структуре нарратива о депортации карачаевского народа. За весь период Р. Темрезов несколько раз говорил о «преступном указе», «несправедливом тоталитарном режиме» и «решении отдельных руководителей страны». После 2014 г. в публичных выступлениях редко встречаются упоминания, связанные с характером политического режима СССР. Постепенно из дискурса вытесняются слова о репрессированном аппарате, который насильственно переместил карачаевцев с территории их исторического проживания. Таким образом, при конструировании нарратива о депортации региональная власть игнорирует процесс определения виновных. Это связано с тем, что мнемонические акторы в российских регионах ориентируются здесь на федеральную власть (Ефременко, 2022: 87). До сих пор не существует консенсуса относительно интерпретации сталинской эпохи и принятых управленческих

решений в тот период. Таким образом, власть в республике избегает неоднозначных и спорных формулировок.

В рамках нарратива акторы транслируют особые уроки, извлеченные из событий прошлого. Власть многократно напоминает жителям о необходимости в сохранении «мира», «согласия» и «межэтнической гармонии» для формирования безопасной среды в регионе. Поддержка памяти о депортации служит поводом для того, чтобы «не повторять подобные трагедии в настоящем и будущем». По мнению акторов, республика должна поддерживать тесные связи с другими народами. Часто встречаются упоминания о необходимости «единства» и совместного «созидательного труда», который обеспечит процветание не только региона, но и всей страны в целом. Таким образом, ключевым уроком для памяти о депортации карачаевского народа выступает поддержка добрососедских отношений с другими группами, в особенности с черкесами.

Структура нарратива о Кавказской войне. На рис. 5 представлена структура нарратива о Кавказской войне. Как и в случае с памятью о депортации карачаевского народа, региональные акторы представляют события в «шаблонизированном» формате. Это позволяет им закрепить нужные смыслы, интерпретации и категории, с помощью которых коллективная память фиксируется через дискурс. Описание Кавказской войны транслируется через термины травмы. Акторы используют такие устойчивые выражения, как «значительные человеческие потери», «разобщение целых народов», «скитание», «потеря близких», «вынужденное переселение» и др. Также Кавказскую войну часто представляют «военной кампанией, в которой пострадали представители многих кавказских народов, в том числе русские и казачество». Акторы говорят о разрушительных последствиях войны, которая является «одной из самых продолжительных войн в мировой истории, длившаяся почти полвека».

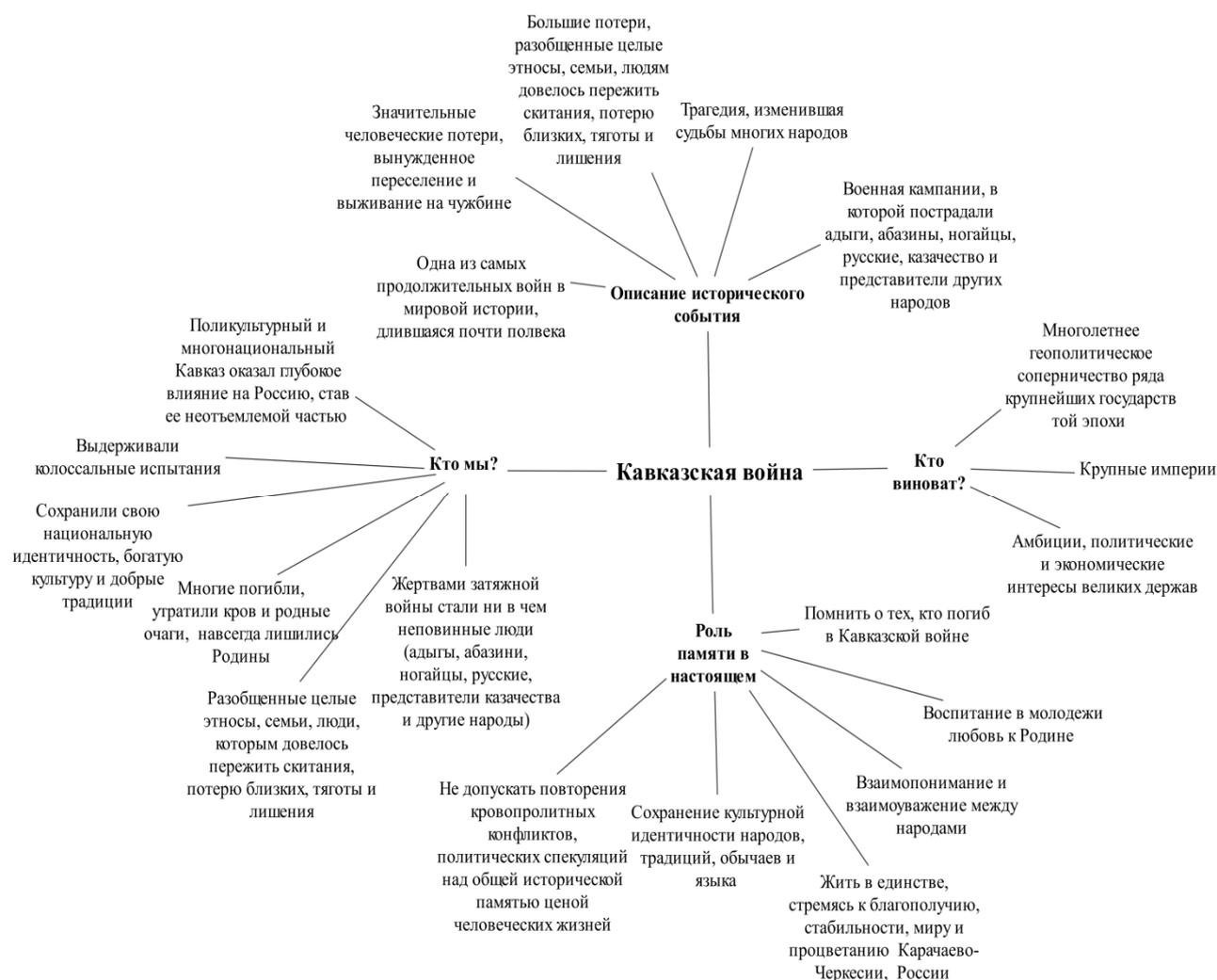

Рис 5. Конфигурация кодов (субкодов) в региональном нарративе о Кавказской войне

В республиках Северного Кавказа ведутся споры о длительности Кавказской войны (Урушадзе, 2018: 108). Для адыгской группы память о ней священна, а само историческое событие определяет не только их этническую, но и политическую идентичность. Ввиду этого сохранение и распространение именно адыгской версии датировки войны (1763–1864) является для них важным элементом восприятия регионального прошлого. Этническая версия даты закреплена даже на главном памятнике «Древо жизни», расположенном в соседней Кабардино-Балкарии. В то же время общероссийская позиция определяет длительность войны как 1817–1864 гг. Подобное несоответствие дат порождает серьезные дискуссии на региональном уровне. За проанализированный период власть в Карачаево-Черкесии редко придерживалась конкретной позиции по этому вопросу. Лишь в 2013 г. во время коммеморации жертв Кавказской войны Р. Темрезов упомянул о длившейся *«столетней войне»* на Северном Кавказе. Однако в настоящий момент акторы стараются избегать подобной конфронтации между федеральным центром и региональными группами.

Одной из особенностей формирования образа «Мы» в дискурсе о Кавказской войне является объединение разных ее участников в единую пострадавшую группу. Среди них акторы выделяют не только адыгскую группу (адыги, абазины, черкесы), но русских и казачество. В своем обращении к жителям республики Р. Темрезов отметил, что: *«Кавказская война стала величайшей трагедией не только для горцев, но для русских, казаков, которые, вопреки своей воле, были брошены на борьбу с теми, с кем их столетиями связывали узы дружбы и добрососедства»*.¹ Подобная практика включения разных сторон войны связана с попыткой переосмыслить противоречивое региональное прошлое. На современном этапе в Карачаево-Черкесии происходит попытка примирить разные стороны друг с другом и встроить их в единое дискурсивное и мемориальное пространство. Агонистический механизм взаимодействия с коллективной памятью о прошлом приводит к тому, что стираются границы между жертвами и виновными. Таким образом, уровень эскалации конфликта между конкурирующими группами снижается. Тем не менее акторы конструируют образ «Мы» не только через понятие жертвы, но и через понятие героев. Оно связано с ролью тех, кто так же *«сохранил свою культуру, национальную идентичность, традиции, выдержав колоссальные испытания»*. Таким образом, «Мы» – это не только жертвы войны, но и те, кто сохранил союз с Россией и благодаря вхождению в ее состав смог укрепить и свой народ.

В нарративе о Кавказской войне поиск виновных играет большую роль, чем в коллективной памяти о депортации. Однако представления об ответственных лицах за последствия войны носят абстрактный характер. Акторы отмечают, что среди основных причин войны выделяются *«геополитические интересы некоторых центральных держав»*. Реже упоминаются *«крупные империи»*, амбиции которых развязали войну в регионе. Подобная интерпретация причин войны ежегодно прослеживается на протяжении всего обозначенного периода. Анализ показал, что для региональной власти упоминание тех, кто виноват в трагических событиях важно, однако они продолжают избегать открытых обвинений.

Коммеморация жертв Кавказской войны для региональной власти служит тем же общим целям, что и коммеморация жертв депортации. Память о жертвах нужна, чтобы *«не повторить подобные трагические события»*, а также *«не допустить спекуляций над исторической памятью»*. Более того, память о войне используется для объединения исторически конкурирующих друг с другом групп. В частности, акторы неоднократно используют такие смысловые выражения, как *«жизнь в мире»*, *«межэтническая гармония»* и *«взаимоуважение народов»*. По мнению акторов, подобная тактика должна привести к *«стабильности и процветанию Карачаево-Черкесии и России»*. Таким образом, главный урок из прошлого – это созидание и поддержка мира между различными группами.

* * *

Изучение структур нарративов о депортации и Кавказской войне демонстрирует, что региональные акторы используют идентичные схемы интерпретации исторических событий. Анализ показал, что акторы особое внимание уделяют определению пострадавшей группы в качестве жертв и героев, преодолевших различные испытания и сохранивших собственную культуру. Более того, интерпретация обоих событий занимает важное место в дискурсе, однако используется для последовательного извлечения уроков из прошлого. Поддержка межэтнической гармонии и братских отношений с

¹ Обращение Главы Карачаево-Черкесии ко Дню памяти жертв Кавказской войны, *Официальный сайт Главы и Правительства Карачаево-Черкесской Республики* (2020). URL: https://www.kchr.ru/mainmenu/head/news/detailed/61605/?sphrase_id=961180 (дата обращения: 10.09.2023).

другими конкурирующими народами является важным фактором процветания, стабильности и безопасности региона.

Игнорирование поиска виновных массовой ссылки карачаевского народа является одной из особенностей нарратива о депортации. Акторы предпочитают избегать конкретизации ответственных лиц в совершенном преступлении. В нарративе о Кавказской войне, напротив, практически в каждом обращении и публичном выступлении акторы упоминают о крупных державах, чьи геополитические интересы послужили поводом для начала войны в регионе. Более того, в нарративе разные участники войны объединяются в общую группу «жертв» для нивелирования конфликтного потенциала. Власть также избегает уточнения датировки и длительности Кавказской войны из-за существующих дискуссий между федеральным центром и региональными группами. Таким образом, акторы стараются, с одной стороны, включить этническую локальную историю в региональное прошлое, с другой стороны, учитывать интересы федерального центра. Таким образом, дальнейшее изучение процесса формирования нарративов, принадлежащих конкурирующим этническим группам, позволяет проследить сходства и различия не только в конфигурации мнемонических сил, но и в дискурсивных практиках, от которых зависит смысловое наполнение коллективной памяти о региональном прошлом.

Список литературы / References

- Ачкасов, В. А. (2012) 'Роль политических и интеллектуальных элит посткоммунистических государств в производстве «политики памяти», *Символическая политика*, 1, сс. 126–148. [Achkasov, V. A. (2012) 'The role of political and intellectual elites of post-communist states in the production of "politics of memory" [Rol' politicheskikh i intellektual'nykh elit postkommunisticheskikh gosudarstv v proizvodstve "politiki pamyati"]', *Symbolic politics*, 1, pp. 126–148 (In Russ.)].
- Ефременко, Д. В. (2022) 'Политика памяти в степях Забайкалья: мнемонический ландшафт Республики Бурятия', *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 16 (3), сс. 86–98. [Efremenko, D. V. (2022), 'The politics of memory in the steppes of Transbaikalia: mnemonic landscape of the Republic of Buryatia' [Politika pamyati v stepyakh Zabaykal'ya: mnemonicheskiy landshaft Respubliki Buryatiya], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 16 (3), pp. 86–98, DOI: 10.17072/2218-1067-2022-3-86-98 (In Russ.)].
- Иванеско, А. Е., Урушадзе, А. Т. (2018) 'Past Indefinite: историческая память и политика на Северном Кавказе', *Новое прошлое*, 3, сс. 186–190. [Ivanenko, A. E., Urushadze, A. T. (2018) 'Past Indefinite: historical memory and politics in the North Caucasus' [Past Indefinite: istoricheskaya pamyat' i politika na Severnom Kavkaze], *The New Past*, 3, pp. 186–190, DOI: 10.23683/2500-3224-2018-3-186-190 (In Russ.)].
- Козлов, Д. В. (2021) 'Иркутские режимы памяти об адмирале: практики работы с «колчаковским историческим наследием»' в: Миллер А. И. и Лапин В. В. (ред.) *Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе*. СПб: Издательство Европейского Университета в Санкт-Петербурге, сс. 120–132. [Kozlov, D. V. (2021) 'Irkutsk memory regimes of the admiral: practices of interaction with the "Kolchak historical heritage"' [Irkutskiy rezhim pam'yati ob admirale: praktiki raboty s «kolchakovskim istoricheskim naslediyem»] in: Miller, A. I., Lapin, V. V. (eds.) *Symbolic aspect of the politics of memory in modern Russia and Eastern Europe* [Simvolicheskiye aspekt politiki pamyati v sovremennoy Rossii i Vostochnoy Yevrope]. SPB: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, pp. 120–132. (In Russ.)].
- Малинова О. Ю., Миллер, А. И. (2021) 'Введение. Символическая политика и политика памяти' в: Миллер А. И. и Лапин В. В. (ред.) *Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе*. СПб: Издательство Европейского Университета в Санкт-Петербурге, сс. 7–37. [Malinova, O. Yu., Miller, A. I. (2021) 'Introduction. Symbolic politics and the politics of memory' [Vvedeniye. Simvolicheskaya politika i politika pamyati] in: Miller, A. I., Lapin, V. V. (eds.) *Symbolic aspect of the politics of memory in modern Russia and Eastern Europe* [Simvolicheskiye aspekt politiki pamyati v sovremennoy Rossii i

- Vostochnoy Yevrope]. SPB: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, pp. 7–37. (In Russ.).
- Малинова, О. Ю. (2013) 'Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России', *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*, 1, сс. 114–130. [Malinova, O. Yu. (2013) 'The Problem of a Politically "Fit" Past and the Evolution of Official Symbolic Politics in postSoviet Russia' [Problema politicheski «prigodnogo» proshlogo i evolyutsiya ofitsial'noy simvolicheskoy politiki v postsovetskoj Rossii], *The Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research*, 1, pp. 114–130. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю. (2018) 'Политика памяти как область символической политики' в: Миллер, А. И. и Ефременко Д.В. (ред.) *Методологические вопросы изучения политики памяти*. М., СПб: Издательство Нестор-История, сс. 27–53. [Malinova, O. Yu. (2018) 'The Politics of Memory as an Area of Symbolic Politics' [Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoy politiki] in Miller, A. I. and Efremenko, D. V. (eds.) *Methodological issues in studying the politics of memory* [Metodologicheskiye voprosy izucheniya politiki pamyati]. Moscow, SPB: Izdatel'stvo Nestor-Istoriya, pp. 27–53. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю., Миллер, А. И. и Пахалюк, К. А. (2022) 'Региональный аспект политики памяти в России', *Новое прошлое*, 2, сс. 112–136. [Malinova, O. Yu., Miller, A. I. and Pakhalyuk, K. A. (2022) 'Regional aspect of politics of memory in Russia' [Regional'nyy aspekt politiki pamyati v Rossii], *The New Past*, 2, pp. 112–136, DOI: 10.18522/2500-3224-2022-2-112-136 (In Russ.)].
- Миллер, А. И. (2014) 'Политика памяти в России: Год разрушенных надежд', *Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»*, 4 (75), сс. 49–57 [Miller, A. I. (2014) 'The Politics of Memory in Russia: The Year of Shattered Hopes' [Politika pamyati v Rossii: God razrushennykh nadezhd], *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*, 4 (75), pp. 49–57, DOI:10.30570/2078-5089-2014-75-4-49-57 (In Russ.)].
- Михалев, А. В. (2020) 'Часовые фронта: памятники атаманам и политика коммеморации в условиях дальневосточного пограничья' России' в: Миллер, А. И. и Ефременко Д.В. (ред.) *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы*. Актеры, институты, нарративы. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, сс. 322–335. [Mikhalev, A. V. (2020) 'Sentinels of the frontier: monuments to atamans and the policy of commemoration in the conditions of the Far Eastern borderland' [Chasovyue frontira: pamyatniki atamanam i politika kommemoratsii v usloviyakh dal'nevostochnogo pogranich'ya] in: Miller, A. I. and Efremenko, D. V. (eds.) *The politics of memory in modern Russia and Eastern European states. Actors, institutions, narratives* [Politika pamyati v sovremennoy Rossii i stranakh Vostochnoy Yevropy. Aktory, instituty, narrativy]. SPB: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, pp. 322–335. (In Russ.)].
- Прасолов, Д. Н. (2021) 'Монументы и ритуалы в коммеморативных практиках в Кабардино-Балкарии' в: Миллер А. И. и Лапин В. В. (ред.) *Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе*. СПб: Издательство Европейского Университета в Санкт-Петербурге, сс. 65–80. [Prasolov, D. N. (2021) 'Monuments and rituals in commemorative practices in Kabardino-Balkaria' [Monumenty i ritually v kommemorativnykh praktikakh v Kabardino-Balkarii] in: Miller, A. I., Lapin, V. V. (eds.) *Symbolic aspect of the politics of memory in modern Russia and Eastern Europe* [Simvolicheskkiye aspekt politiki pamyati v sovremennoy Rossii i Vostochnoy Yevrope]. SPB: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, pp. 65–80. (In Russ.)].
- Рахаев, Дж. Я. (2014) 'Анализируя травму: историография депортации карачаевцев и балкарцев как форма культурной памяти'. *Люди и тексты. Исторический альманах*, 5, сс. 350–380. [Rakhaev, J. Y. (2014) 'Analyzing trauma: historiography of the deportation of Karachais and Balkars as a form of cultural memory' [Analiziruya

travmu: istoriografiya deportatsii karachayevtsev i balkartsev kak forma kul'turnoy pamyati], *Lyudi i teksty. Istoricheskiy al'manakh*, 5, pp. 350–380. (In Russ.).

- Рвачева, О. В. (2020) 'Возродить память о казаках: политика памяти и коммеморативные практики казачьего возрождения на Юге России' в: Миллер, А. И. и Ефременко Д. В. (ред.) *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы*. Актеры, институты, нарративы. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, сс. 304–321. [Rvacheva, O. V. (2020) 'Reviving the memory of the Cossacks: the politics of memory and commemorative practices of the Cossack revival in the South of Russia' [Vozrodit' pamyat' o kazakakh: politika pamyati i kommemorativnyye praktiki kazach'yego vozrozhdeniya na Yuge Rossii] in: Miller, A. I. and Efremenko, D. V. (eds.) *The politics of memory in modern Russia and Eastern European states. Actors, institutions, narratives* [Politika pamyati v sovremennoy Rossii i stranakh Vostochnoy Yevropy. Aktory, instituty, narrativy]. SPB: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, pp. 304–321. (In Russ.).]
- Рязанова, С. В., Юрганов, Ф. А. (2019) 'Миф о коми-пермяках в контексте региональной политики памяти', *Вестник археологии, антропологии и этнографии*, 2 (45), сс. 132–139. [Ryazanova, S. V., Iurganov, F. A. (2019) 'Komi-permyan mythology in the context of regional politics of memory' [Mif o komi-permyakakh v kontekste regional'noy politiki pamyati'], *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*, 2 (45), pp. 132–139, DOI: 10.20874/2071-0437-2019-45-2-132-139 (In Russ.).]
- Урушадзе, А. Т. (2018) 'Помнить-нельзя-забыть: Кавказская война в исторической памяти адыгов и российском пространстве коммеморации', *Политическая наука*, 3, сс. 106–128. [Urushadze, A. T. (2018) 'Remember-can't-be forgotten: Caucasian war in the historical memory of Adygs and in the Russian space of commemoration' [Pomnit'-nel'zya-zabyt': Kavkazskaya voyna v istoricheskoy pamyati adygov i rossiyskom prostranstve kommemoratsii], *Political science*, 3, pp. 106–128, DOI: 10.31249/poln/2018.03.06 (In Russ.).]
- Шнирельман, В. А. (2021) 'Травматическая память: подходы к изучению и интерпретации', *Сибирские исторические исследования*, 2, сс. 6–29. [Shirelman, V. A. (2021) 'A traumatic memory: how to study and interpret it' [Travmaticheskaya pamyat': podkhody k izucheniyu i interpretatsii], *Siberian Historical Research*, 2, pp. 6–29, DOI: 10.17223/2312461X/32/1 (In Russ.).]
- Шнирельман, В. А. (2023) 'Великие даты, или Как государственная политика памяти конструирует историю', *Versus*, 2 (5), сс. 124–151. [Shirelman, V. A. (2023) 'Great Dates, or How State Policies of Remembrance Construct History' [Velikiye daty, ili Kak gosudarstvennaya politika pamyati konstruiruyet istoriyu], *Versus*, 2 (5), pp. 124–151, DOI: 10.58186/2782-3660-2022-2-5-124-151 (In Russ.).]
- Brüggemann, K., Kasekamp, A. (2008) 'The Politics of History and the "War of Monuments" in Estonia', *Nationalities Papers*, 36 (3), pp. 425–448, DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00905990802080646>.
- Jansen, St. (2002) 'The violence of memories: Local narratives of the past after ethnic cleansing in Croatia', *Rethinking history*, 6 (1), pp. 77–93, DOI: 10.1080/13642520110112128.
- Kostyashov, Y. V., Sergeev, V. V. (2018) 'Regional politics of memory in Poland's Warmia and Masuria', *Baltic region*, 10 (4), pp. 118–131, DOI: 10.5922/2079-8555-2018-4-8.
- Kuckartz, U., Rädiker, St. (2019) *Analyzing qualitative data with MAXQDA*. Cham: Springer International Publishing.

Статья поступила в редакцию: 08.11.2023

Статья принята к печати: 15.01.2024

**NARRATIVES ON THE DEPORTATION OF THE KARACHAY PEOPLE AND
THE CAUCASIAN WAR IN THE PUBLIC DISCOURSE
OF THE KARACHAY-CHERKESS REPUBLIC**

I. Ushparov

Igor Ushparov, applicant for a Candidate of Sc. (Polit. Sc.),
European University at Saint-Petersburg. Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: igor.ushparov@mail.ru (ORCID: 0000-0002-4908-5645).

Abstract

The study of the politics of memory in Russian regions is a pressing area of research in memory studies. With the help of MAXQDA, the article analyzes the experiences of regional actors using competing narratives about the deportation of the Karachay people and the Caucasian War in the public discourse. The results show that both narratives focus on describing historical events through the language of trauma. The regional authorities utilize the memory of the deportation and the Caucasian War to promote reconciliation and unite competing interethnic groups. They simultaneously construct an image of 'us' through victimization and glorification of the past. The main difference between narratives is the question of institutionalization of those responsible for the tragic events in the collective memory. The narrative of the Caucasian War highlights the role of certain 'central' powers whose interests led to the conflict in the North Caucasus. Additionally, regional actors avoid mentioning specific dates in public speeches due to the existing disputes over the duration of the Caucasian War. The use of an agonistic model of interaction with the different memories of the past and the integration of various struggle groups into a single symbolic space is one of the tools for leveling the conflict potential in the region

Keywords: politics of memory; Karachay-Cherkessia; regional government; public discourse; historical narrative; deportation of the Karachay people; the Caucasian War.